

О КОМ ВЕРЕСК ПЛАЧЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Вереск

Ульяна Соболева
О ком плачет Вереск

«Ульяна Соболева»

2020

Соболева У.

О ком плачет Вереск / У. Соболева — «Ульяна Соболева»,
2020 — (Вереск)

Он нашел меня. Самый страшный палач клана. Его боятся до смерти. В его руках безмерная власть, он безжалостен, жесток и опасен. Одно только имя вызывает ужас и желание стать на колени. Окруженный преданными убийцами Паук, которому никто и никогда не отказывал... Кроме меня.— Продолжайте церемонию, падре! Жених мертв, да здравствует жених! Шикарная замена! Поверьте! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ульяна Соболева

О ком плачет Вереск

Пролог

2005 год

Он нашел меня. Самый страшный палач клана. Его бояться до смерти. В его руках безмерная власть, он безжалостен, жесток и опасен. Одно только имя вызывает ужас и желание стать на колени. Окруженный преданными убийцами Паук, которому никто и никогда не отказывал... Кроме меня.

– Продолжайте церемонию, падре! Жених мертв, да здравствует жених! Шикарная замена! Поверьте!

Он насвистывает марш Мендельсона, а я зажимаю руками уши и смотрю в кровавую темноту. Я знаю, кто это... я знаю, за что... Тяжело дыша, чувствуя, как по щеке стекает струйка чужой крови, я отрицательно качаю головой и смотрю на этого дьявола, на это исчадие ада, на свой самый жуткий кошмар – Сальваторе ди Мартелли. Он направил дуло пистолета в висок падре Алехандро, и библия в руках священника несколько раз дрогнула. Тьма нашла меня. Паук долго полз по тонкой паутине и теперь загнал меня в самый угол, чтобы безжалостно сожрать, но вначале он сожрет все, что мне было дорого.

– Я сказал, продолжайте, или я вышибу вам мозги! И ваше упрямство будет приравниваться к самоубийству, святой отец!

Только не смотреть вниз, не смотреть на пол, не оборачиваться назад. Пусть это будет страшный сон, пусть я сейчас открою глаза, и все исчезнет, а я снова буду стоять у зеркала в своем подвенечном платье и улыбаться. Наконец-то улыбаться. Потому что я свободна, потому что вырвалась из паутины и начала жить, потому что выхожу замуж за прекрасного мужчину, а весь кошмар остался позади. Надо отмотать все назад, куда-то на три или четыре часа. Туда, где я еще счастлива, Роман пьет вино из бокала, а его отец отстукивает палкой незамысловатую итальянскую мелодию. Они ведь не могут быть все мертвы. Не могут. И он... он не может стоять передо мной в своей черной одежде, похожий на саму смерть. Стоять в Храме, стоять там, где его духу быть не должно. Как я молилась, чтобы никогда больше не видеть этого человека, как тщательно пряталась, как надеялась, что больше никогда не посмотрю в его проклятые глаза. Надеялась, что он сдох! Что его мерзкая паутина захлестнулась на бычьей шее и задавила его самого.

– Пришли ли вы сюда добровольно и свободно хотите заключить супружеский союз?

Дрожащий голос и слова священника, как жуткая насмешка, как издевательство над самой святостью, над узами брака, над любовью... ведь он их произносит второй раз за сегодня. На моей руке все еще висит стола, запятнанная темно-бурыми каплями. Только слова клятвы я не успела произнести...

– Нееет! Нееет! Прекратите! Замолчите!

У меня под ногами мертвые тела, на полу лежит мой жених и... он, скорее всего, тоже мертв. По моему подвенечному платью стекает его кровь. И мне страшно, мне жутко обернуться назад... потому что там теперь слишком тихо. Ни шороха, ни звука. Только где-то наверху зловеще играет органная музыка.

– Ее слова не имеют значения. Она со всем согласна. Поверьте. Я знаю.

– Готовы ли вы любить и уважать друг друга всю жизнь?

Громко всхлипывая, чувствуя, что задыхаюсь, с ненавистью и болью смотрю в жутко красивое лицо ди Мартелли и не верю, что он это сделал... не верю, что только что его люди и он сам расстреляли всю эту семью. Всех, кто виноват лишь в том, что приютили и полюбили меня, как родную. Только почему я все еще жива? Почему он не пристрелит и меня вместе с ними? Не растопчет Вереск?

– Никогда... никогда..., – шепотом, давясь слезами.

– Конечно, готовы. До гроба. До самой смерти.

Сальваторе, переступил через чье-то тело и приблизился ко мне. На извращенно чувственных губах играет издевательская усмешка. Когда-то мы дружили... когда-то его мачеха говорила комплименты моей матери, а отцы играли в покер. Когда-то он мне нравился... А потом не было никого в этом мире... никого, кому бы я желала самой жуткой и лютой смерти больше, чем Сальваторе ди Мартелли и всем, кто носит одинаковую с ним фамилию. Всем, кто залили кровью каждую секунду моего существования.

– Да, Юлия? – он всегда произносил мое имя на русский манер, издевательски нарочно подчеркивал то, как меня называли мои родные. – Я же говорил тебе, что это случится! Говорил, что ты принадлежишь мне! Ты – моя собственность.

– Лучше сдохнуть!

Проигнорировал этот вопль, продолжая рассматривать меня и трогать мои волосы.

– Ро-ман... серьезно? Почти Ромео! Как жаль, что он умер... но так будет с каждым, кто прикоснется к тебе. Каждым, кто посмеет думать, что может безнаказанно смотреть на то, что принадлежит мне.

«Что»... он всегда относился ко мне, как к чему-то, а не кому-то. Хуже, чем к скоту, отвратительней, чем к таракану. И я знаю, зачем он устроил это кровавое побоище и цирк с венчанием. С той секунды, как услышала его проклятый свист, пробивающийся сквозь органную музыку и заставивший меня заколоться от ужаса.

Смуглые пальцы трогают мой дрожащий подбородок, и я крепко зажмуриваюсь, чтобы не видеть это жестокое лицо, не видеть эти циничные глаза с жуткой золотистой каймой вокруг почти черной радужки. Глаза, от которых кровь стынет в жилах. Они слишком жгучие, слишком жестокие, безжалостные. Не понимаю, как могла когда-то считать их красивыми. Мартелли всегда был тварью. Зверем и убийцей. Это у него в крови. У них у всех.

– Готовы ли вы с любовью принять от Бога детей и воспитать их согласно учению Христа и церкви?

Я скорее вырежу себе нутро, чем понесу от него!

– Еще как готовы, да, Вереск? Долеталась, допорхалась и попалась!

– Не называй так! – зашипела, вздрагивая от этого слова.

– Тебя забыл спросить.

Смотреть в его лицо, чтобы запомнить каждую черточку, каждую линию, чтобы никогда не забыть ни одно его слово. Я скажу их... скажу, когда буду его убивать.

– Что там надо говорить дальше, падре? Давайте, не молчите! Меня раздражает медлительность!

Как жутко звучит этот приговор, как страшно и необратимо.

– Я, Сальваторе ди Мартелли, беру тебя, Юлия, – он намеренно не произносит мою фамилию, по правилам Коза Ностры она уже давно вне закона. Моя семья стерта с лица земли, и сделали это они. Проклятые Мартелли, – в жены и обещаю, – оскалился с пренебрежением, давая понять, что все эти клятвы – шелуха, – хранить верность в счастье и в несчастье, в здравии и болезни, а также любить и уважать тебя все дни жизни моей.

Нет, я не стану произносить это, не стану давать клятвы, мне ненавистен каждый его жест, каждое слово. Никакой верности... только ненависть, только жажда смерти.

– Повторила! – ткнул дуло мне в плечо. – Давай! Ты же хорошая девочка? Выучила клятвы?

– Чтоб ты сгорел!

– Это не те слова. Ты перепутала. Давай еще раз. – и улыбается. Умопомрачительная и в то же время гадская улыбка. Ненавижууууу!

– Я сказал – повторяй! Не то в голове падре Алехандро появится маленькая, круглая дырочка! И все будет на твоей совести, Юля. Как и смерть всех этих несчастных.

– Ради бога, Джули, повтори...

Священник с мольбой смотрит мне в глаза. Он хочет жить. И я хочу... очень хочу. Но не так. Не в рабстве. Не в клетке. Раздается выстрел, и я закричала, закрыла глаза, а когда открыла, увидела бледное лицо священника и раскрошенный в щепки алтарь. И я повторила...повторила, так как чужая жизнь священна. Из-за меня столько людей погибло.

Таинство дьявольского брака с самим Пауком свершилось? Или это меня только что похоронили и отпели?

– Венчание произошло пред Христом и пред общиной Церкви. – дрожащим голосом продолжил падре. – Что Бог сочетал, того человек да не разлучает. И заключённый вами супружеский союз я подтверждаю и благословляю властью Вселенской Церкви во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Какие имена вписать... в свидетельство? У меня здесь указано...

– Аминь. – радостно кивнул Сальваторе, оборвав священника, и швырнул ему столу. Затем повернулся ко мне и насильно схватил за руку, больно выгибая пальцы, сжатые в кулак. – Я не готовился к этой церемонии, так что вместо кольца поносишь веревку.

И завязал на моем пальце бечёвку крепким узлом. Потом протянул кусок веревки мне.

– Завязывай.

Затянула так крепко, как могла, чтоб причинить ему боль, но он даже не моргнул, продолжая сверлить меня своим тяжелым, дьявольским взглядом. Затем подошел к отцу Алехандро, что-то тихо сказал и забрал из его рук свидетельство, сунул за пазуху в карман.

– Вот и все, сладкая. Поехали домой. Отмечать и трахаться.

Глава 1

Сицилия. Палермо... 1995 год.

Любовь нежна? Она груба и зла. И колется, и жжется, как терновник

(с) Шекспир. Ромео и Джульетта

Сквозь время, сквозь грани реальности

В вечных сумерках, в темноте

Без понятий о мерах нормальности

Бесполезных надежд пустоте

Через пропасть и расстояния

Босиком по стеклу, к мечте

Очень тонкой, невидимой ниточкой

Пришиваю себя к тебе....

Ульяна Соболева

– Юлия, у нас гости.

– Я сейчас спущусь, пап! Пару минут! Ма меня причесывает! – крикнула по-русски и с удовольствием посмотрела в зеркало. Ма, МамИ, МамИтта – пухлая черная гувернантка, я знала ее с рождения и не помнила себя без нее. Только Ма умела варить вкусную манную кашу и заплетать мне «колоски». Мама шила кукол, вязала зайцев и жила с нами. Мы все ее очень любили. За Ма я могла поколотить кого угодно и даже выцарапать глаза. Она самая любимая, и меня обожает. Нет, не за папины деньги, не потому что ей больше негде жить. А любит, потому что любит, и все. Она приехала в Италию вместе с родителями из Бруклина много лет назад. Мне никто не рассказывает, откуда Ма появилась, но на ее руках, ногах и спине есть бежевые шрамы. Она их прячет, но я все равно видела. Кто-то ее очень сильно обижал. Когда мы молимся по воскресеньям, Ма всегда благодарит мою маму и называет ее ангелом. И еще она говорит, что когда-то мои родители жили в другой стране... а потом сбежали оттуда в Америку. В той стране папу держали в тюрьме, и в той стране умерли мои сестра и брат от какой-то ужасной болезни. Но это секрет, и, если я расскажу кому-то, родители очень обидятся на Ма.

– Дон Альфонсо приехал с женой и сыновьями!

– Вернулись из Нью-Йорка? И сразу к тебе? Какая честь!

В голосе мамы недовольные нотки, и я начинаю прислушиваться.

– Вернулись. Не забывай, кто такой дон Альфонсо и насколько я дорожу нашей дружбой. Давай, подгони Анну, пусть накрывает на стол.

– Я знаю, кто он такой, Миша. И именно потому что я это знаю... мне бы не хотелось такой тесной дружбы.

– Эта дружба залог всего для нас. И я больше не намерен обсуждать это с тобой.

– Знай свое место, женщина?

– Надя! – в голосе отца металлические нотки.

– Любимые блинчики Альфонсо с красной икрой уже готовы.

– Вот и чудненько, и позаботься, чтоб дети нам не мешали, когда мы уйдем в кабинет.

Понятно, маме этот Альфонсо не нравится, а у папы с ним какие-то дела, и этот Альфонсо важная шишка. Отец сказал, он с сыновьями? Интересно, папа действительно думает, что я стану развлекать каких-то мальчишек? Словно в ответ на мои мысли отец заглянул в мою комнату:

– Юлия! – строго сказал он. – Ты вторая хозяйка дома. Будь гостеприимной и без своих выкрутасов! Поняла?!

Когда отец ушел, я посмотрела через зеркало на Ма.

– Противные ди Мартелли! Как я их терпеть не могу!

– Вы их ни разу не видели!

– Из-за них мне нельзя играть на заднем дворе! Пусть катятся в свою Америку!

– Маленькой синьорите не пристало так себя вести! Гости отца – это святое. Вот если бы я своему отцу так сказала...

– Он бы отшлепал тебя по заднице?

Представила себе, как колыхается зад толстухи Ма, и засмеялась.

– Верно! Жаль, ваш этого не делает!

Я фыркнула и тут же ойкнула, когда Ма потуже затянула колоски, вплела в них ленты.

– Чудные у вас волосы. Похожи на свежий мед и пахнут мятой. Мой отец говорил, что нет ничего красивее цвета пчелиных сот. А мой отец знал толк в настоящей красоте, уж поверьте.

– Маааа! Ну хватит! Я не маленькая! Расплети эти ужасные косы!

– Нельзя ходить патлатой!

– Не патлатой! Обрезать их надо! Ненавижу расчесываться! Вот у Даны Торичелли «карэ»! И ей очень идет!

– Вот еще! Синьор Микель обожает ваши волосы!

– А я ненавижу!

Я стащила ленты и тряхнула волосами, которые доставали мне ниже ягодич. Непослушные, буйные, вечно спутанные коричнево-рыжие космы.

– Дайте соберу сзади заколкой. Да стойте же вы! Что за упрямая девчонка!

– И я надену штаны!

– Ни за что! Только платье!

– Штаны!

– Я сказала, платье, или никакого шоколадного крема с остатков на кухне!

Надула губы. А Ма надула свои в ответ и уперла руки в толстые бока. Полосатый фартук грозно вздулся на огромной груди, и вышитая на нем желтая рожица теперь выглядела не улыбающейся, а злой. Это означало, что спорить бесполезно. Я тяжело вздохнула.

– Ладно. Но без всяких там рюшек.

К столу я спустилась в ужасном настроении. Меня раздражали воланы на розовой юбке, бесили белые носки и туфли с атласными бантиками. И мне совершенно не хотелось развлекать детей какого-то гостя отца. Гостя, из-за которого дом драили по всем углам несколько суток подряд, готовили дня два, зарезали трех кур и запретили мне ходить в конюшню к Смелому.

Сам Альфонсо мне показался страшным и очень носатым, из-за густой седой бороды я видела только его мясистые губы, а хищные желтоватые глаза то и дело сверкали неприятным огнем. А его жена выглядела вычурно красивой, как с обложки журналов. Ее курчавые каш-

тановые волосы пахли какими-то немыслимыми духами, а длинные ресницы то и дело хлопали, как два огромных веера. Странно, как она может быть мамой двух взрослых мальчиков подростков. Потом мне стало известно, что это их мачеха и по совместительству пятая жена ди Мартелли старшего. Первая жена Альфонсо – мать обоих сыновей, умерла пять лет назад от острой пневмонии, а остальные менялись раз в год. Но сами дети Мартелли и были моим дичайшим разочарованием. Увидела их из окна и сложила руки на груди в знак протеста. Какого черта мне с ними делать? Я ожидала, что они будут маленькими. Я смогу командовать и придумывать для нас игры, но самому младшему оказалось двенадцать, а старшему пятнадцать. Они не сели за стол, а бродили где-то по двору, и отец отправил меня к ним.

– Давай, Юлия, иди к мальчикам. Покажи им дикий сад и фонтаны, а мы пока поболтаем о всяком взрослом. Иди. Погуляй.

Хотела возразить, что собираюсь вначале поесть, но отец так на меня посмотрел, что мне пришлось прикусить язык. Нехотя спустилась по ступеням вниз. Куда могли пойти эти мальчишки? Лучше бы я сидела в своей комнате и читала.

Я увидела их возле ограды. Точнее, за ней. Там, где небольшие ворота вели в отцовский заповедник. Они оба наклонились и что-то рассматривали в высокой траве. Я видела лишь курчавые чернявые головы и спины.

– Я говорил, не лазить за ворота! Отец надерет тебе уши, Сальва!

Мальчишки говорили по-итальянски.

– Он сдохнет, если не раскрыть капкан!

– А если ты к нему полезешь, он тебе руку откусит! Идем отсюда! Закроем ворота, и никто не узнает!

– Ссыкло! Накинь на него свой свитер, Марко, держи сзади за шкурку, а я вытащу лапу.

Я старалась не шуметь, мне очень хотелось увидеть, что они там делают, но случайно наступила на ветку. Неудачница! Раздался хруст, и один из братьев обернулся ко мне, а второй продолжил с чем-то возиться. Это «что-то» скулило и рычало.

– Сальва! Мы не одни!

Второй брат поднял голову, и я тихонько вздрогнула. До этого момента мальчики меня интересовали лишь тогда, когда возникала необходимость с ними общаться. Я мало задумывалась об их существовании и самым красивым из мужчин считала своего отца. Ровно до этого самого момента. Момента, когда все во мне вдруг скукожилось и начало казаться убогим, жалким, безвкусным. Начиная с рыжеватых волос и заканчивая дурацкими белыми носками.

– Что стала, как столб?

Черные глаза мальчишки постарше сверкнули и вцепились в меня презрительным взглядом, а внутри моего живота зарождалось что-то особенно острое, что-то, заставляющее молчать и просто смотреть, проглотив язык и забыв все слова по-итальянски. Так болит вверху под самыми ребрами, когда очень хочется есть, и с кухни доносится аромат хрустящих булочек. Только сейчас все скручивает намного сильнее, и я не такая уж и голодная. Он встал в полный рост и показался мне очень высоким и большим. С длинными руками и мускулистыми длинными ногами. Невероятно сильным. Да, именно это слово вертелось на языке при взгляде на парня. И я рядом с ним, как козявка. Маленькая, тусклая и совершенно невзрачная. В пуп дышу, как говорит Ма.

– Давай вали отсюда, малая!

– Куда валишь? Это мой дом! – огрызнулась и приготовилась обороняться. Не хватало, чтоб эти мерзкие ди Мартелли меня гнали с моей же земли.

– В дом и вали!

– Это дочка Микеле.

– Та по фиг. Смотрит стоит, рот разинула.

Внизу опять что-то заскулило, и я увидела серое барахтающееся существо.

– Кто там у вас?

– Волчонок. Попался в капкан. Это твой отец капканов наставил? – спросил младший Мартелли.

– Не знаю.

– Откуда ты приехала? С медвежьей страны? Во что там твои играют? В куклы? В матрешки? Давай! Иди поиграй, шмакодявка! Не мешай нам! Брысь!

– Это ты так решил? Я терпеть не могу кукол. Так что заткнись и говори, что надо сделать!

– В дом иди. Поможет она. Сопли вначале подотри. Пищит здесь. Мелочь пузатая!

Не знаю, что было обидней «мелочь» или «пузатая», но меня от злости затрясло.

– Мне десять. Может, я и выгляжу младше, но уже в конце лета мне исполнится одиннадцать! И вообще, я могу тебя поколотить, верзила долговязый!

Я сложила руки в кулаки и стала в стойку, как меня учил Людвиг на уроках самообороны. Верзила оскорбительно заржал, и мне ужасно захотелось пнуть его по сахарной косточке. Чуть позже... я узнаю, что у него есть кличка – Паук. Из-за длинных ног и рук.

– Попробуй, если допрыгнешь, только лапки свои не сломай.

– Сальва, пусть поможет. Пусть инструмент принесет какой-нибудь.

– Да она сейчас побежит папочке своему стучать.

– Не побегу. Какой инструмент нужен?

Взгляд огромных черных глаз с золотистой поволокой изменился с презрительного на заинтересованный.

– КлЕщи принеси или палку найди какую-то. Желательно покрепче. Можно железную. А еще лучше – потеряйся по дороге.

– Придурок, – буркнула себе под нос.

Я нашла садовые ножницы. Старший Мартелли возился с капканом очень долго. Он весь вспотел и даже стянул через голову светло-бежевый свитер, который ткнул мне в руки, а я невольно принялась и ощутила легкое головокружение от запаха цитрусов и едва уловимого аромата табака. Во все глаза смотрела, как бугрятся мышцы на широкой спине мальчишки, как курчавятся волосы на затылке. От него пахло терпким потом, взрослым мужчиной, несло за версту какой-то первобытной, агрессивной силой, и я ощущала ее всем своим существом. Как и опасность, исходящую от этого мальчишки.

***

– Ни черта не открывается. Я сверну ему шею, и мучения кончатся! Все равно сдохнет здесь!

Я ни на секунду не усомнилась, что он именно так и сделает. Его глаза такие жестокие, колючие, наглые. И в то же время такие красивые... бархатные.

– Не надо! – закричала я. – Не надо! Мы вытащим его! Смотри, замок уже почти поддался, а ты сильный, у тебя получится.

Когда сказала, что он сильный, черные глаза заблестели, и в углу губ появилась самодовольная усмешка.

– А дальше что? Это не щенок! Это волчонок!

– Я его спрячу и попробую выходить. Не убивай его! Пожалуйста!

Мальчишка бросил на меня мрачный взгляд и продолжил пытаться вскрыть капкан.

– Только не ной мне тут.

– Пожалуйста... он такой маленький.

– Не бубни под руку, малая.

И наконец-то у него получилось. От радости я всхлипнула, а младший Мартелли смачно выругался и с восхищением посмотрел на брата. Рядом с ним Марко казался очень худым и хилым. На лицо похожи и в то же время очень разные.

– Охренеть, Сальва! Вот это силища!

Волчонка мы отнесли на задний двор, я спрятала его за конюшней в старую будку лайки Лаймы. Отец давно привез просторный вольер, а там она жила, пока шел ремонт в доме. Год назад Лайма умерла от старости, и мы больше не брали собак. Я бы не отказалась, но папа не хотел, чтобы мама снова плакала. Все мои просьбы взять собаку оканчивались отказами.

– Тебя как зовут? – спросил верзила и дунул на непослушную курчавую челку, закрывшую пол-лица из-за порыва ветра. Его смуглая кожа казалась бронзовой, а глаза неестественно большими, нарисованными углем, как и широкие брови. Нос с крутой горбинкой портил аккуратные черты, а очень полные сочные губы скорее бы подошли девчонке, как и длинные, сильно закрученные кверху ресницы. Лицо грубое и в то же время по южному знойное, красивое. На скулах пробивается юношеский пушок. Он поразил меня... поразил настолько, что после их отъезда я не могла уснуть всю ночь. Я не знала, что со мной творится и как это называется... Как и не знала тогда – кто такой Альфонсо ди Мартелли... и кто такой мой отец. Мне еще было неизвестно страшное слово мафия. Я была просто маленькой девочкой, которая впервые влюбилась, даже еще не понимая значения этого слова. Но она сильно об этом пожалеет...

– Юлия... ой, Джули. Джульетта.

Как дура запнулась три раза. Впрочем, он не будет меня называть ни одним из них.

– Меня – Сальваторе. А это мой брат – Марко.

– Детиинии! Вы где? Барбекю уже давно готово!

– Давай, малая, пошли. И не болтай. Не то застрелят его. Поняла?

Я кивнула, с трудом глотнув раскаленный воздух, когда Сальваторе остановился напротив меня и посмотрел мне прямо в глаза, выдохнуть я уже не смогла.

– Я терпеть не могу стукачей! Проболтаешься – голову откручу!

– Я не стукач!

– Посмотрим, кто ты. Время покажет, Вереск.

– Кто?

– Ты – Вереск. Глаза у тебя вересковые. Никогда таких не видел.

– Все говорят, что они красивые, между прочим, – дерзко заявила я.

А он подумал и издевательски усмехнулся.

– Тебя обманули – они страшные. Как у мутанта.

Сволочь! Сам ты страшный мутант!

Глава 2

Италия. Сан-Биаджо

200 год

*Я воплощение ненавистной силы.
Некстати по незнанию полюбила?
Что могут обещать мне времена,
Когда врагом я так увлечена?
(с) Шекспир. Ромео и Джульетта*

Вакханалия необратимости,

Разум с сердцем рулетку крутит.

Рвется тонкая нить к одержимости.

Правда в голову всех рассудит.

(с) Ульяна Соболева

Он сидел за столом напротив, прокручивая четки темными, сильными пальцами и высокомерно попивая вино. В расстегнутом черном пиджаке и такой же черной рубашке. Мне видна его мощная волосатая грудь с резко выделяющимися кубиками пресса и массивная золотая цепь с крестом на бычьей шее. Изменился за это время. Возмужал. На скулах густая щетина. Если бы моя ненависть не сжирала меня, не испепеляла все мое существо болью, я бы с яростью рыдала о его красоте, потому что это адская насмешка, издевательство и кощунство дать такую внешность подобной твари. И если человек может вообразить самые мерзкие пороки, на какие способны лишь исчадия ада, то все они здесь. В нем. Под его грудной клеткой прямо в гнилом сердце. Я знала о нем все. Знала так много, что уже только ради этого стоило убить. Паук любил рассказывать мне раньше... исповедоваться перед своей жертвой о своих грехах, положив голову ей на колени, а уже через несколько часов вытирать об нее ноги, как о вонючую тряпку. Иногда мне казалось, что он зависим от своей лютой ненависти ко мне, и она его подпитывает.

Наивная дура... решила, что если прошло столько времени, то Паук уже меня не найдет. Позволила себе снова начать жить... позволила любить себя и надеяться стать снова счастливой. Стать кем-то... но не Вереском.

Паук смотрел изредка мрачным, тяжелым взглядом. Пиршество по случаю нашего венчания окончилось, и многие гости разъехались по домам, а некоторые все еще сидели за столом и упивались вином, хватали руками многочисленные десерты, мясо и сыры. Такие же животные, только более примитивные. Его шакалы. Я так и видела на их мордах плотоядный оскал. Скажет им «фас», и они разорвут любого, чтобы раболопно положить к носкам его ботинок куски мяса.

Это была пытка – сидеть здесь, пытка – слышать музыку, видеть веселье, пьяные лица. Мне хотелось заорать, чтобы они прекратили! Это жуткий день! Такой же жуткий, как и

несколько лет назад... когда ди Мартелли уничтожили всю мою семью, а меня... меня заперли в клетке и убивали изо дня в день. Он убивал. Как вампир, выкачивал мою кровь и заставлял расплачиваться день за днем, месяц за месяцем за грехи моего отца.

Я ни к чему не притронулась, так и смотрела в тарелку застывшим взглядом, пока не почувствовала, как меня рывком подняли на ноги.

– Я сказал, пошли в спальню! Ты глухая?

Он пьян, и его огромные глаза с тяжелыми большими веками жадно смотрят на меня, вызывая ужас и отвращение. Нет ничего страшнее мрачной и черной похоти в его глазах.

– Я еще не поела.

– Ужин окончен. – и вдруг наклонился к моему лицу. – Я хочу, чтоб ты меня поцеловала. Я забыл вкус твоих губ.

От неожиданности судорожно сглотнула.

– А я хочу, чтоб ты сдох прямо сейчас.

Кривая усмешка, одним движением выхватил пистолет из-за пояса и тут же приставил к голове проходящего мимо официанта. От неожиданности я со свистом втянула воздух.

– Фейерверк из мозгов в твою честь, Вереск. Ты знаешь, какого они цвета? Хочешь увидеть прямо сейчас? Они нежно-розовые... иногда серые... давай посмотрим вместе? Тебе разве не интересно?

Официант тихо молится по-итальянски. Он молоденький. Ему едва можно дать двадцать.

– О Господин, спаси, господин, не надо!

Я бросила взгляд на дрожащего мальчишку и снова посмотрела на Мартелли.

– Он младше Марко... зачем? Не трогай мальчика!

– Мы оба знаем, что его возраст не имеет значения. Поцелуй за жизнь. Такая мелочь.

– Конечно, ты ведь привык все покупать. Что есть человеческая жизнь, если Сальваторе ди Мартелли хочет развлечься!

– Ооо, ты назвала мое имя. Давай. Повтори его еще раз. Мне нравится, как ты его говоришь. Я дьявольски соскучился по нему твоим голосом, Вереск!

– Вереск давно умерла!

– Разве я не дьявол из Палермо? Я ее воскресил. Для себя. И, нет, сладкая, это ты покупаешь. Его жизнь. Плати. Не люблю ждать.

Наклонилась и коснулась губами его губ, вздрагивая всем телом, ощущая едкую волну протеста вместе с каким-то оглушительным и ненавистным наслаждением. И вдруг почувствовала, как он вцепился пальцами в мои волосы, отрывая от себя и не давая поцеловать. Такой же непредсказуемый психопат, как и всегда. Ждешь одного, а получаешь настолько противоположное, что от шока еще долго резонансом дрожит все тело.

– А он... твой Ромео целовал тебя? Отвечай, целовал? Как он это делал – с языком или без? Он лизал твое небо, как я?

В глазах дикий блеск, внушающий ужас. Когда у Сальваторе отказывали тормоза, он становился невменяемо опасен. И я знала эти моменты. За все годы моего жуткого заточения я изучила их.

– Господин!

– Не трогай его. Тебе ведь нужна была я? Ты нашел и получил меня. Зачем еще кого-то терзать и мучить?

– Пошел вон! – а сам перехватил мою шею и легонько сдавил. – Вееерно, малая, чертовски верно. Зачем мне кто-то? Я буду терзать и мучить тебя. Так, как он целовал тебя? Покажи мне как!

Официант, не прекращая молиться, выскочил из зала, а Мартелли приставил пистолет к моему лбу.

– Показывай! Не бойся!

Звучит смешно, учитывая, что дуло упирается мне между глаз.

– С тобой все равно никогда не будет, как с ним!

– Твааарь! Что ты дала ему с собой делать? Отвечай! Что позволила? Сосала у него? А? Сосала? Отвечай!

Стало страшно. До судорог, до боли в суставах.

– Трахал тебя? – легко шлепнул по щеке заставляя смотреть на него. – Спрашиваю, трахал?

– Нет...

Отрицательно качнула головой и почувствовала, как он убирает волосы с моего лица пистолетом. Зажмурилась, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Лжешь. Трахал. Знаю, что трахал. Открой глаза и смотри на меня. Смотри, бл*дь, на меня, я сказал!

Медленно приоткрыла, глотая раскаленный воздух.

– Молишься?

Кивнула, содрогаясь от ледяных прикосновений металла.

– О чем молишься?

– Я очень хочу... чтоб ты умер. Прямо сейчас.

Привычная гадская ухмылка. Ненавистная, мерзкая. Только в глазах вспыхнула золотая смерть. Как будто я только что вбила лезвие ножа ему под ребра.

– Плохо молишься, Вереск, твой Бог не слышит тебя. Он глухой. Ты слишком тихо пищишь. Ты ему на хер не нужна. Никому не нужна, кроме меня! И запомни, – наклонился ко мне, – я не умру один. Я заберу тебя с собой. Другому никогда не достанешься. Ты – моя.

– Больной ублюдок! Какой же ты больной...!

– Замолчи... или я поступлю с тобой очень плохо. Так плохо, как никогда не поступал.

– Неужели, а это? Что может быть хуже этого?!

Нервно дернула вверх рукава свадебного платья, тыкая ему в лицо круглыми шрамами на сгибах рук. Он поморщился, как будто это зрелище причинило ему боль. Но я бы никогда не поверила, что этот зверь умеет ее испытывать.

– Так было надо. Хватит болтать. Раздевайся! Я хочу свою награду за все эти долбанные годы поисков. Ты начнешь возвращать мне долги прямо сейчас!

Стянул с себя пиджак и швырнул на пол, принялся расстегивать рубашку одной рукой, другой все еще сжимал пистолет. Сделал несколько шагов ко мне.

– Не подходи! Не смей! Не приближайся!

– А как же брачная ночь, Вереск? Аааа? Как же секс, о котором ты мечтала? Сегодня ночью твой мудака должен был тебя драть до самого утра, лить в тебя свою сперму...

– Он, а не ты! Он!

– Ничего, я побуду на его месте, и ты поорешь для меня. Поорешь так, что он услышит тебя даже на том свете.

– Ты – омерзительное чудовище, и с тобой можно орать только от ужаса! Меня всегда от тебя тошнило!

Мне нравилось это говорить, нравилось заставлять его бледнеть от ярости. Если бы могла, я бы сдавила его проклятое сердце и выдрала у него из груди. Что угодно, лишь бы причинить ему боль.

– Лжешь! Сука! – приподнял в воздухе и резко опрокинул на стол.

Схватила его руку и прижала дуло пистолета к груди.

– Лучше спусти курок. Ты ведь все уже получил. Все активы моего отца, бумаги, земли.

Ткнул дулом мне в горло, опрокидывая на белую скатерть и наклоняясь ко мне. Вьющиеся иссиня-черные волосы упали ему на лоб, на какие-то мгновения возвращая этому жестокому лицу былые юношеские черты. Черты, которые я когда-то любила...

– Я возьму тебя... и, если на скатерти не останется твоей крови, я разможжу тебе череп!
– Сделай это сейчас! Потому что ее там не окажется!
– Ммммм! – взвыл и вдавил дуло в горло так сильно, что я закашлялась. Второй рукой разорвал тонкий шелк на груди. Дешевенькая материя разлезлась на части до самого пояса. – Не окажется – значит я трахну свою жену-шлюху перед смертью и стану вдовцом!

Глава 3

*Сицилия. Палермо 1997 год
Воспламенившееся море слез,
Раздумье – необдуманности ради,
Смешенье яда и противоядия.
(с) Шекспир. Ромео и Джульетта*

С тобой душой и вздохом каждым

Часы, минуты и мгновенья

Взлетев над пропастью однажды,

Рискуя, но без сожаления

Твоя, пусть все ужасно сложно

Болезненно так откровенно

Но отказаться невозможно

*Ты мой, во мне, течёшь по венам
© Ульяна Соболева*

– Это ваш цвет, синьорита. Только лиловый. Только он. Под ваши глаза.
– Лучше б они были синие, как у мамы, или зеленые... а то и карие, как у тебя!
– Дуреха. Ох, уж эти вересковые глаза. Поплачет кто-то от вашей прелести, юная серд-
цеедка, ох, заплачет. Попомните мое слово. Старая Ма знает, что говорит.
– Лгунья!
– Пыф! Еще чего! Мама никогда никому не льстит!

Мои глаза имели необычный цвет. Они были лиловыми. Вначале думали, что это младенческий оттенок, потом испугались, что я слепая, но врач сказал, что у трех процентов населения земли есть разные оттенки фиолетовой радужки. Моя напоминала цветом вереск. Его было здесь много, особенно на Холме Эрикса. Меня этот цвет не радовал, потому что люди всегда пытались меня рассмотреть поближе. А бывало и тыкали пальцами. Конечно, мой отец мог эти пальцы поотрезать, как и дядя Влади, но повышенного интереса это не поубавило бы. Люди любят рассматривать и удивляться чему-то необычному, а иногда и бояться. Когда со мной встречались взглядом где-то в центре города – могли осенить себя крестным знаменем и перейти на другую сторону улицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.